

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЕ БОЛЕЗНИ И СПОСОБЫ ИХ ЛЕЧЕНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ КАРЕЛ*

Целью данной статьи является исследование персонифицированных болезней в представлениях карел. Исходя из цели поставлены следующие задачи. Во-первых, выявление персонифицированных заболеваний и определение причин их персонификации. Во-вторых, определение происхождения их наименований. В-третьих, выявление и сравнение способов лечения персонифицированных заболеваний у различных групп карел и близкородственных народов. Представленный материал является новым и актуальным, так как данная проблема рассматривается впервые. В результате исследования приходим к выводу, что персонификация болезней является распространенным явлением среди карел, а также других прибалтийско-финских народов, проживающих на территории Карелии, и русских. В качестве основных способов избавления от данных недугов были попытки народа задобрить их с помощью приношения подарков, угощения и уважительного обращения к духу болезни.

Ключевые слова: народная медицина карел, мифология, верования, болезнь, эпидемия

В народной культуре болезнь человека воспринимается как состояние, вызванное действиями демонов болезней, другой нечистой силы, колдунов, людей с дурным глазом и т. д.¹ Для большинства народов, к числу которых относились и прибалтийско-финские, было свойственно персонифицировать заболевания, особенно это касалось тех недугов, которые были вызваны демонами болезней.

Чаще всего в персонифицированном виде крестьянам представлялись инфекционные/эпидемические болезни [5: 75]. При возникновении эпидемии жители карельских деревень пытались различными магическими действиями предотвратить их распространение. Эти способы были общими для всех повальных болезней. Карелы Повенецкого уезда Олонецкой губернии при распространении какой-либо заразной болезни добывали «деревянный» огонь, то есть получаемый от трения дерева о дерево, через который окуривали людей. На место, где лежал больной, умерший от заразной болезни, бросали петуха, чтобы болезнь перешла к нему, а не к людям. В Семчезерском уезде Олонецкой губернии для прекращения эпидемии устраивали «похороны болезни»: опускали в могилу кошку или петуха, которые олицетворяли заболевания². Сямозерские карелы, когда в доме были инфекционные больные, рисовали на дверях смоляные или дегтевые кресты, чтобы болезнь не выходила из дома [1: 106].

Демоны болезней выступают преимущественно в антропоморфном виде. Чаще всего это женщины. Некоторые группы карел Олонецкого района заболевание холера (ливв. *halieru*; ливв. *vilutaudi*; ск., ливв. *viluccī*) представляли в образе женщины, которая летала из одного места

в другое на метле³. Подобные представления о холере были у восточных славян: у белорусов холера персонифицировалась в виде женщины с распущенными волосами и горящими глазами, которая разбрасывает некие болезнесторные зерна, или женщины/девушки, которая отравляет воздух, размахивая красным или черным платком. Известны персонификации холеры в виде черной коровы, а у русских – собаки, кошки или женщины со злым лицом [5: 78]. Другие представители олонецких карел считали, что холеру производили колдуны, всыпая в воду какие-то порошки. Когда в деревнях начиналась эпидемия холеры, жители запирали все колодцы, а воду брали с середины реки, отъехав подальше от берега (К. Петров). Вепсы во время эпидемии холеры широко использовали огонь, полученный древними способами. Такой огонь считался наиболее действенным обережным и лечебным средством в экстремальной ситуации. В конце XIX века в селе Корвала на протяжении семи лет свирепствовала холера. От болезни удалось избавиться, обойдя деревню с «деревянным» огнем (это огонь, который вепсы добывали путем трения сосновой лучины на станке для точения веретен из бересты). Во время обхода с огнем, как рассказывали жители, из деревни выскоцил большой черный кот (олицетворение болезни), и болезнь перешла в соседнюю деревню, откуда ее выжили таким же путем [3: 250]. Калевальские карелы (п. Калевала) для остановки эпидемии также использовали огонь [6: 62].

Демоны болезней могут находиться между собой в родственных отношениях, чаще всего это сестры. Карелы (например, д. Войница) считали, что существует «три оспы, три сестры»:

собственно болезнь оспа – «самая старшая и самая злая сестра», ветрянка – «средняя сестра» и корь – «самая младшая сестра». Всех трех сестер в Карелии очень уважали и боялись.

Для обозначения кори в диалектах карельского языка использовали наименования, в основе номинации которых лежат ее симптомы. У человека, заболевшего корью, все тело покрывается мелкой сыпью, как будто его золой посыпали. Вполне возможно, по аналогии с этим в основу карельских названий болезни корь легло существительное *tuhka*, *tuhku* ‘зола’: (ск., ливв.) *tuhkarokko/tuhkurokko* (зола + оспа/волдыры), (ск.) *tuhkičča/tuhkičču* (от сущ. *tuhka* ‘зола, пепел’ + суф. -čča, -čču), (ск., ливв.) *tuhkiččarubi/tuhkiččurubi* (корь + оспа). Для того чтобы «задобрить» корь, ее приглашали в гости каждый третий год. Ей накрывали стол, угождали (д. Войница)⁴. Угощения для олицетворенной болезни корь готовили и шимозерские вепсы [3: 395].

Основной акцент в лечении кори делался на использовании материи красного цвета. В основе данного способа исцеления – принцип «подобное отталкивает подобное». Тверские (д. Семеновское) и тихвинские (д. Коргорка) карелы также использовали для избавления от кори красную тряпку: ею накрывали ребенка и занавешивали красными занавесками все окна⁵ [4: 145]. Вепсы, проживающие в Пяжозере и Пондале, напротив, держали заболевшего корью ребенка в темной избе. Темнота (мрак) – это признак мира мертвых, смерти. Поместив корь в условия темноты и смерти, стремились изгнать болезнь красного цвета [3: 395]. Красный цвет – это цвет жизни, здоровья, солнца, он наделялся защитными свойствами.

В представлениях карел источником ветряной оспы был ветер. Исходя из этого, в основе номинации ветрянки в тверском говоре карельского языка лежит лексема *tuuli* ‘ветер’: (ск.) *tuulenrubi* (ветер + оспа/болячка). Во время ветрянки лицо больного покрывалось струпьями. Затем короста отпадала, и человек иногда оставался рябым. Тверские карелы (с. Воззвиженка) при появлении ветрянки или любой другой сыпи на теле прибегали к следующему методу лечения: больного окатывали водой через борону, лопату и ольховое гнездо (девочек)/еловое гнездо (мальчиков), сопровождая эти действия словами заговора: «*Aštovalla aštoičen, labijella roičen, leppazella tulen pežolla kylvetän oigien hengen ristikänžan*» (‘Бороной бороню, лопатою рою, ольховым ветряным гнездом парю правую душу крещеную’)⁶. Чтобы появившиеся при ветряной оспе волдыри не чесались, кожу больного натирали яичевой крупой. У карел д. Семеновское считалось, что ветрянка лечению не поддается («*händä n'imil'l ei voinun l'ečči*» ‘ее ничем нельзя было вылечить’) [4: 145].

Больше всего карел боялись и уважали самую старшую сестру – оспу. В д. Кондока отец заболевшего оспой ребенка стал ругать эту болезнь: «*Emättäy, jotta, et tijä i lähtie kun tulit taloh, ni et t'ijä lähtie!*» (‘Заклинает/матерится, что не уходишь, раз в дом пришла, то и не уйдешь!'). После

этого его семилетняя дочь стала косоглазой [8: 228]. Для данного заболевания у карел существовало большое количество наименований. Карелы называли заболевание оспа Божьей болячкой, при этом указывая на то, что «ее лечить даже было грешно»⁷. Компонент «Божий» был отражен в следующих наименованиях: (ливв.) *jumalan rubi* (букв. ‘Божья болезнь/оспа/болячка’), (ливв.) *jumalan kasse* (букв. ‘Божье наказание’). По мнению финского языковеда Я. Калима, вторая часть данного наименования заимствована из русского языка: *kasse* < русс. казать, наказать. Финский этнограф И. Маннинен предполагал, что название *jumalan kasse* (фин. *Jumalan rangaistus*) очень хорошо подходит в отношении оспы, которая считалась насланной именно Богом⁸. К русским заимствованиям относятся лексемы (ск., ливв.) *ospicča, ospa* (от русс. о-сып-а к съп, сыпать – сыпная повальная болезнь)⁹. Германское происхождение прослеживается в финском названии, которое в дальнейшем было заимствовано в карельский язык (ск., ливв., люд.) *rupi/rubi* (*rupi*<*χrufōn/-/*χrubnō/χrufiz (ср.: др. норв. *hrufa* ‘оспа’, совр. норв. *ruv, ruva, ruve* ‘оспа’)¹⁰.

При обращении к персонифицированным болезням очень часто использовали личные имена, которые считались знаком особого уважения этого недуга. В группу подобных наименований входит, например, лексема (ск., ливв., люд.) *Ospičča Ivanouina* ‘Оспитта Ивановна’. В славянских языках персонифицированному духу оспы в знак особого расположения, уважения, почтения присваивались личные имена, отчества, ср.: Осп(иц)а Ивановна, Оспица Афанасьевна, Воспинка Осиповна (русс.); баба Писанка, баба Шарка, Шаруля, Шерчица (б.). У северных вепсов, как и у соседних народов – карел, русских и коми, оспа также персонифицировалась в виде женщины. Ее величали Оспа Ивановна или Оспа Андреевна [2: 188]. Как у карел, так и у русских причиной оспы считают главным образом нарушение запретов: непочтание болезни, оскорбление каким-либо действием, словом¹¹.

По словам карел д. Оуланка, оспой болели как дети, так и взрослые. Знахари были бессильны перед этой болезнью. По ее течению определяли, умрет больной или выздоровеет: если волдыри от оспы были кровавого цвета и росли внутрь, то человек умрет, а если они были внешними, то человек поправится [7: 236]. По мнению олонецких карел, оспа – одно из самых опасных заболеваний, которое ежегодно по весне «откуда-то, Бог весть знает, заносилось в Олонецкую Карелию». Карелы называли оспу «нежеланной гостьей, настоящим горем всех сел и деревень».

В период болезни больной оспой лежал за навеской около печи. Ему нельзя было смотреть на гостей, можно было смотреть только на вдов и вдовцов. Когда больному несли еду, кланялись и говорили: «*Ospičča Ivanovna, rupi jumalan luoma, nouse murkinalla!*» (‘Оспитта Ивановна, оспа, Божье творение, встань на второй завтрак!’).

Для лечения оспы у ливвиковских карел было два способа: отнести больного в баню и там

парить его до тех пор, пока «болезнь с криком не выйдет»; или испечь пирог и с поклоном, встав на колени около больного, упрашивать, чтобы дорогая гостья, Оспитта Ивановна, смилостилилась и не испортила больному глаза, лицо, руки и не сделала его калекой. Автор этого собранного материала Н. Лесков относительно вышеуказанных способов лечения, применяемых олонецкими карелами, пишет: «...первый способ отличается какой-то неразумной дикостью, а другой – отчаянием, равного которому не скоро и същешь». Когда больного оспой вели в баню, то с собой звали Оспитту, чтобы она помогала парить больного. В баню вместе с больным нельзя было идти вдовам и вдовцам, женщинам, у которых нет детей. Во время парения в бане нельзя было сердиться.

Для того чтобы Оспитта не рассердилась на больного и членов его семьи, ее задабривали: накрывали на стол от трех до девяти разных блюд. Затем больного оспой усаживали за стол, кормили, поили и обхаживали как самого дорогого гостя. После этого кормили и поили других детей из этого дома, а также звали соседских. Когда больной оспой поправлялся, то Оспитту провожали со словами: «*Nyt on syöty syötät, juotu juomat, pietty piot parahat. Kun hyvänä vierahana tulit, ta parempana tänne!*» «Теперь еда съедена, питье выпито, лучшие пиршества проведены. Ты пришла к нам как лучший гость, так и уходи как лучший!»

Если даже в семье никто не болел оспой, то Оспитту звали в гости для профилактики каждый седьмой год¹². Также соседи приходили в тот дом, где был больной оспой, и приглашали оспу к себе, надеясь, что, получив приглашение, она не будет такой сердитой (то есть в их доме болеть будут не сильно).

У паданских карел оспу называли только уважительно: «Марья Ивановна желанная» или «Оспица Матушка». Встречали болезнь самыми добрыми словами: «Здравствуй, матушка Марья Ивановна! Здравствуй на многие лета! Благодарствуй, что посетила нас, рабов твоих покорных, не будь ты нам злюю мачехою, будь родною матерью! Ты лики порти, да в гроб не складывай! Не побрезгуй дарами нашими!» Все это сопровождалось учащенными поклонами и дарами, которые подносили больному, и он должен был попробовать все. Затем дары доедались присутствующими, а больного вели в очень сильно натопленную баню, где парили его до полусмерти, «выпаривая желанную гостью, а то матушка, по Руси бродивши, овшивела». Чаще всего от такого лечения больной умирал (например, в 1876 году в Паданах от оспы умерли 19 из 32 больных). Жители прокомментировали это так: «Не угодили, знать, Марье Ивановне».

Суоярвские карелы (д. Поросозеро) собирали в кучу во дворе портняки или льняное белье больного, сжигали, собирали золу, мазали ею болячки больного и приговаривали: «*Mistä mierosta tulit, sinne i mane, elä riutu sinä ilmoisena ikänä*» ('С какого мира ты пришла, туда и иди, не трогай/приходи никогда на свете')¹³.

Тверские карелы заболевшего оспой ребенка парили в бане, читая заговор: «*Ruškiene rubiozeni, armahane rubiozeni, ota omaš hyvyöt, ana omattervehyšmiän raba boozella lapšellä*» ('Красная оспа, любимая оспа, возьми (ты) свое добро, отдай нашему рабу Божьему, ребенку его здоровье'). По возвращении из бани больного, так же как и в Северной Карелии, усаживали на почетное место за столом, а перед ним (для оспы) клали яйцо, выкрашенное в красный цвет, со словами: «*Ka tässä siulaš gostinčat*» ('Вот тебе гостицы'). Жители д. Кондока не только парили в бане больного оспой ребенка, но и Оспитту угождали там, а не дома, чаём и оладьями. Во время угощения повторяли: «*Ospičč Ivaanovna, Ospičč Ivaanovna, prost'i!*» ('Оспитта Ивановна, Оспитта Ивановна, прости!') [8: 228]. У повенецких карел в то время, когда кто-нибудь болел оспой, родители больного кланялись до земли, при этом приговаривая: «Оспица Ивановна, прости, пожалуй, буде мы тебя чем прогневали». После этого пекли для Оспитты пироги пряженые, приносили вино. В период болезни баню топили ежедневно, больного парили и на его лицо клали горячие блины, чтобы скорее засыхали нарываы, а все тело натирали или промакивали спиртом или вином.

Среди карел еще одним «гневным» гостем, как и оспа, считалось заболевание тиф (ск., ливв., люд. *tifu*). К этой болезни относились так же, как и к Оспитте: уважали и потчевали. Больного оставляли на произвол судьбы, не трогали его, считая, что иначе болезнь рассердится и пойдет из дома в дом. Порой больного заедали вши, но к нему никто не прикасался. Соседи приходили с разного рода угощениями: рыбниками, калитками, шаньгами, – и складывали их около больного в качестве подарка для болезни.

Во время эпидемии сыпного тифа в Паданском уезде применялись следующие приемы лечения: если больного знобило, то его несли в жарко натопленную баню и парили до потери сознания, а если у него был сильный жар, то трижды опускали в ледянную прорубь. Объясняли это так: «...если ему холодно, то надо согреть, а ежели жарко – остудить, вот болезнь и пройдет». Во время тифозной эпидемии паданские карелы пытались «котогнать» болезнь, стреляя из ружья около больного¹⁴. Такой же обряд «пугания» болезни проводили вепсы (с. Корвала) [3: 131].

Итак, персонификация болезней была свойствена для всех групп карел, проживающих как на территории Карелии, так и в других районах (например, тверские и тихвинские карелы). Данное явление включало мифологическую составляющую, имеющую в основе страх людей перед эпидемическими болезнями, носящими в рассматриваемый период массовый характер. Большинство способов лечения было построено на задабривании болезней (угощения, подарки) и на обращении к ним в форме заговоров-просьб уйти и оставить больного в покое.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СОКРАЩЕНИЯ

- б. – болгарский язык
 ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
 люд. – людиковское наречие карельского языка
 ск. – собственно карельское наречие карельского языка

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 225.
- ² Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14, 15. С. 50.
- ³ Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 188.
- ⁴ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. S. 62.
- ⁵ Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. С. 304.
- ⁶ Михайловская М. В. Карельские заговоры, приметы и заплачки // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Вып. 2. Л., 1925. Т. V. С. 614.
- ⁷ Лесков Н. Отчет о поездке к Олонецким Корелам летом 1893 г. // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 31.
- ⁸ Kalima J. Eräästä rokkotaudin nimestä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 29. Porvoo; Helsinki, 1949. S. 41–44.
- ⁹ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: ГИС, 1958. С. 665.
- ¹⁰ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS. III. 2000. S. 109.
- ¹¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 576.
- ¹² Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. S. 60–61.
- ¹³ Suomen kansan vanhat runot: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan Runot (SKVR). Osa II. Helsinki: SKS, 1927. S. 562.
- ¹⁴ Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусарова В. П. Структура обряда лечения (на примере сямозерских карел) // Сямозерские чтения: Доклады и материалы первой и второй научно-практических конференций. Петрозаводск: Изд. Дом «Карелия», 2006. С. 104–110.
2. Винокурова И. Ю. Вепсский мифологический пантеон в свете некоторых этапов этнической истории народа (на основе вепсского диалектного материала) // Вепсские ареальные исследования: Сб. статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 174–192.
3. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
4. Слушаю карельский говор / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.
5. Юдин А. В. Персонифицированные болезни и способы борьбы с ними в народной культуре восточных славян // Studia Litteraria Polono-Slavica, 6: Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie. Warszawa: SOW, 2001. С. 75–96.
6. Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki: SKS, 1999. 437 s.
7. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropolologinen tutkimus). Helsinki, 1971. 388 s.
8. Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PERSONALIZED DISEASES AND METHODS OF THEIR TREATMENT IN RARELIAN FOLKLIFE CULTURE

The purpose of this article is to present the results of studying personalized diseases in Karelian beliefs. Therefore the following tasks were set. First, to identify Karelians' personalized diseases and to determine the reasons for their personalization. Second, to determine the origin of their names. Third, to identify and compare personalized treatments of diseases in different groups of Karelian and closely related peoples. The material is new and relevant, as this issue is researched for the first time. The results can lead to the conclusion that personification of diseases is common among Karelians, as well as other Baltic and Finnish peoples living on the territory of Karelia, and for the Russians as well. The main ways to cure these ailments were to offer gifts and treats and to show respect to the spirit of the disease.

Key words: Karelian folk medicine, mythology, beliefs, personification, a disease epidemic

REFERENCES

1. Busarova V. P. The structure of the treatment ritual (for example, the Karelians of Syamozero) [Struktura obryada lecheniya (na primere syamozerskikh karel)]. *Syamozerskie chteniya: Doklady i materialy pervoy nauchno-prakticheskikh konferentsiy*. Petrozavodsk, Izd. Dom “Kareliya” Publ., 2006. P. 104–110.
2. Vinokurova I. Yu. The mythological pantheon of Veps in relation to some stages of the ethnic history of the people (on the basis of Vepsian dialect material) [Vepsskiy mifologicheskiy panteon v svete nekotorykh etapov etnicheskoy istorii naroda (na osnove vepsskogo dialektnogo materiala)]. *Vepsskie areal’nye issledovaniya: Sb. stately*. Petrozavodsk, Karelskiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2013. P. 174–192.
3. Vinokurova I. Yu. *Mifologiya vepsov: Entsiklopediya* [Mythology of Veps: Encyclopedia]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015. 524 p.
4. Slushayu karel’skiy gorov [Listen to the Karelian dialect] / Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 208 p.
5. Yudin A. V. Personalized illness and ways to deal with them in the popular culture of the Eastern Slavs [Personifikatsirovannye bolezni i sposoby bor’by s nimi v narodnoy kul’ture vostochnykh slavyan]. *Studia Litteraria Polono-Slavica, 6: Morbus, medicamentum et sanus. Choroba, lek i zdrowie*. Warszawa, SOW Publ., 2001. P. 75–96.
6. Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki: SKS, 1999. 437 s.
7. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropolologinen tutkimus). Helsinki, 1971. 388 s.
8. Virtaranta P. Vienan kyliä kiertämässä / P. Virtaranta. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.

Поступила в редакцию 02.06.2016